

от 6 26 АВГ 36

ПИСЬМА

М. Н. ЕРМОЛОВОЙ

В «СОВЕТСКОМ ТЕАТРЕ» опубликованы письма М. Н. Ермоловой к доктору Л. В. Средину. Письма Ермоловой извлекаются из архивов великой артистки чуть ли не впервые. Сосредоточенная, малообщительная, сдержанная в бытовой обстановке, Ермолова менее всего, казалось бы, может быть интересна в переписке. А между тем опубликованные письма говорят обратное. Они вносят в профиль Ермоловой как личности некоторые интересные черты.

Большой друг Ермоловой, известная переводчица и поэтесса Т. Щепкина-Куперник, рассказывает, что Ермолова с неохотой бывала в обществе.

«Я не помню, — говорит она, — ее иначе, как молчаливой, вяло кутающейся в ангорский платок, смотрящей глазами «из другого мира» на окружающих. Она немногословно отвечала на вопросы и никогда не задавала их».

И вдруг — Ермолова заговорила. Даже больше — села за стол и начала весьма словоохотливую переписку. Видимо, уж очень большое «сродство душ» с адресатом побуждало ее к этому. И действительно Ермолова — было это в конце 90-х годов и было Ермоловой уже лет сорок пять — не находит слов для восхваления Леонида Валентиновича

Средина, к которому обращены письма.

Средин — московский врач, вынужденный из-за туберкулеза «эмигрировать» и прожить 20 лет в Крыму. Здесь, — рассказывает О. Л. Книппер-Чехова в воспоминаниях о Чехове, — у Срединных был дом, где «было всегда так просто и радужно, и все, что бывало в Ялте из мира артистического, литературного и музыкального, все это посещало всегда Срединных (Горький, Найденов, Аренский, Вахтангов, Ермолова)».

Ермолова не только посещала Срединных, но и необычайно сроднилась с ним.

«Вы, — пишет она Средину, — сохранили в себе человека, это меня удивляет и необыкновенно радует. Вы не потеряли себя, не вымотали своей души, несмотря на то, что вы вынесли, а вынесли вы, вероятно, много, и сохранили какое-то светлое и теплое отношение ко всему живущему. Мало ли добрых людей на свете, но в вас не одна доброта, а свет, свет, свет! Я не знаю, как лучше выразиться. Вся обстановка около вас дышит чистотой, порядочностью и теплом. И недаром к вам тянет, как бабочек на огонь, людей, которые могут еще что-нибудь чувствовать... Мы мало знаем друг друга, мы не знаем жизни один другого, поступков, фактов, да бог с ними, душу-то мы чувствуем! Да, если бы вы были в Москве, хороший бы кружок образовался около вас. И еще нет в вас этого вечного нытья, вечного недовольства жизнью, вы с светлой улыбкой несете свою крест».

В этих словах — вся Ермолова второй половины своей жизни. Ее уход от реальной жизни к Жанне д'Арк, «святой» шиллеровской девице, образ которой является ведущим для настроений Ермоловой.

В «Орлеанской девице» Шиллера Ермолову увлекает стиль, где, как пишет она, «все действующие лица говорят языком, которым на земле не говорят». В Жанне д'Арк она видит «святую», «мученическую» мечту и противопоставляет ей роль «мирской вдовы» в «драме из крестьянской жизни», где она говорила «чаво» и «ничаво». Конечно, автор «Мирской вдовы» Е. Карпов и Шиллер — величины несоизмеримые. Но дело здесь не в этом, а в противореалистической и романтически-отвлеченной настроенности Ермоловой, уводящей ее от «Мирской вдовы», от жизни, к виденьям «святой» шиллеровской девицы.

Отлично подметил это и А. И. Южин. В статье, посвященной ее творчеству, он пишет: «Ермолова догадывалась, что маяком русского искусства, но свою историческую роль, и художественную и общественную, она сыграла в первые две трети своей артистической жизни». Слова эти относятся как раз к периоду, охваченному перепиской с Срединным. И переписка это подтверждает.

Ермолова и в письмах оперирует все время терминами «душа», «чувство». Она повернута больше к романтически-обезличенным страстям и меньше к быту, к текущему дню. Даже в «куме» из народно-бытовой пьесы Шпагинского «Чародейка» она, по отзывам современной ей критики, остается Жанной д'Арк. Она «какая-то гостья из старых классических стран», — определяет

Ермолову известный театралный критик А. Р. Кугель.

Это верно. У Ермоловой были отдельные и крупные победы и в пьесах Островского. Но Островского Ермолова несомненно не особенно долюбывала, его бытовой реализм был ей не совсем «по душе». Островский, как известно, тоже далеко не сразу и далеко не безусловно признал Ермолову. Их разделяла разница художественных мировоззрений.

Реализм в музыке Мусоргского, по произвольному определению Ермоловой, «контралунит», «холодные идеи» вместо «души» и «чувства». В опере Мусоргского «Борис Годунов», по мнению Ермоловой, — «отсутствие музыки, отсутствие таланта».

Ермолова увлекается разными романтическими рассказами Горького и не любит Чехова.

«Как я буду рада, — пишет она в письме от 17 сентября 1899 года, — если к вам придет Горький. Вы оживите о нем. Милая, светлая личность! Не давайте ему сбиваться с этой светлой нотки, которая так сильно звучит в его произведениях. Поддержите в нем ее. Не надо, чтобы он уходил в беспримечную тьму всевозможных болезней и печалей, одним словом в «чеховщину». Не сердитесь за это слово, оно вырвалось невольно. Теперь за полторы тысячи верст я не очень-то боюсь вас и все-таки скажу, что ваш Чехов не Гюи-де-Мопассан. Теперь я с ним больше познакомилась и убедилась, что он куда выше Чехова».

Ермолова-«затворница», Ермолова, сосредоточенно ушедшая в себя,

Ермолова, как будто не имеющая «личной жизни», преобразается в цитируемой переписке.

«Я не могу определить, — пишет о Ермоловой Южин, — какая она в жизни жена, мать, сестра, хозяйка. Если бы кто-нибудь хотел написать роман или драму из ее жизни, он недоуменно остановился бы перед ее изучением».

И вот эта же Ермолова, возвратившись в Москву из Крыма, пишет в сентябре 1899 года Л. Средину:

«Я не люблю вам писать кое-как, наскоро, в повседневной суете. Вам я пишу, когда настроение того требует, когда ваш образ предстанет предо мной, как живой, до мельчайших подробностей, когда я вижу вас, слышу, чувствую, когда нарастающая потребность писать вам становится неотступной и ее уж не могут заглушить мелкие потребности жизни... И сейчас предомой ярко встает вы! Последняя картина. Суета, гам, пароход, народ, вижу и помню всех, но больше всех вижу и помню вас. Вижу, как вы уходите, я долго смотрю вам вслед... Вас нет, поплыли, ваш дом, ищу вас на террасе, но ничего больше не видно...»

Великая Ермолова была живым человеком, когда улыбалась жизни...

«...Хорошо было летом. А теперь я мерзну, леденею. Играю, учу роли, устаю, жизнь вошла в свою колею. Бетховен лежит на полке. Зима, холод, снег».

Окружающая Ермолову обстановка, театр, который она называла «казенным учреждением», гасили улыбку и толкали ее вновь к песимизму и романтическим мечтам об «орлеанской девице».

Ермолова превращалась в Жанну д'Арк.

Эм. БЕСКИН.